

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 77

Сборник статей

*Посвящается 140-летию
Томского государственного университета
и 120-летию юридического образования в Сибири*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

М.А. Митюков

М.А. РЕЙСНЕР О КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ

Взгляды профессора М.А. Рейснера на конституционный судебный контроль в своих оценках различаются применительно к демократическим западным странам и к России дореволюционного периода, а затем – и к Конституции РСФСР 1918 г.

Естественно, что на появление конституционного правосудия в нашей стране повлиял и богатый опыт функционирования европейской, а отчасти – американской модели судебного конституционного контроля¹. Восприятию их идей способствовали серьезные теоретические разработки ученых первой трети XX в. Еще до 1917 г. русские исследователи-юристы в сравнительно-правовом аспекте анализировали теорию и практику судебной проверки конституционности правовых актов в США и других странах американского континента и Европы, а также английских доминионов и колоний. «Просветительское» значение для отечественных политиков и юристов имели переводы трудов американских и европейских ученых по государственному (конституционному) праву, в которых определенное внимание уделялось и судебному конституционному контролю². Это

---

¹ Еще в последней трети XIX в. К. Ворошилов дал характеристику конституционной юстиции в США и отдельных штатах, обнаружил в западных исследованиях выделение в классической триаде властей охранительную власть, призванную уничтожать неконституционные законы (см.: Ворошилов К. Критический обзор учения и разделения властей. Ярославль, 1871. С. 178–182, 252).

² См.: Токвиль А. О демократии в Америке. СПб., 1897. С. 254–304; Эсмен А. Общие основания конституционного права / пер. с фр. под ред. В. Дерюжинского. СПб., 1898. С. 346–357; 4-е. изд. под ред. Н.О. Берг. СПб., 1909. С. 437–442; Вильсон В. Государство: прошлое и настоящее конституционных учреждений / пер. под ред. А.С. Яценко. М., 1905; Орландо В. Принципы конституционного права. М., 1907. С. 240–246; Дюги Л. Конституционное право. Общая теория

было время осторожного, но заинтересованного доктринального освоения чужого опыта и его «примерки» к российским реалиям и перспективам. В этой связи нельзя согласиться с бытующим в нашем правоведении мнением о том, что «интерес к проблеме конституционного контроля возник после образования СССР» и до 1918 г. вопрос о нем не поднимался, поскольку Конституции в России как таковой не было¹. Такая точка зрения противоречит фактам, которые далее нами излагаются, и не бесспорна по формальным соображениям².

Многими учеными Основные законы Российской империи 1906 г. воспринимались и воспринимаются если не как конституция, то, во всяком случае, актами, отличающимися по юридической силе от обыкновенных законов³. По крайней мере, до революции 1917 г. Основные законы целым рядом известных государствоведов рассматривались в русской доктрине государственного права как конституция⁴ в целом либо в определенной части⁵. Даже в 1920-х гг. В.Н. Дурденевский называл их «очень умеренной конституцией индивидуалистического типа, подражанием в тексте Пруссии и Японии

государства. М., 1908. С. 915–927; Гачек Ю. Общее государственное право на основе сравнительного правоведения. Рига, 1912. С. 140–149 и др.

¹ Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М.: ИГП РАН, 1995. С. 50; Введение в публичное право: учеб. пособие / под ред. Г.Н. Комковой. Саратов: Издат. центр СГЭА, 1998. Ч. II. С. 135–136.

² См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 439–540; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. С. 448–482; Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М.: Маркетинг; Новосибирск: ЮКЭА, 2000. С. 111–126.

³ Такой точки зрения придерживались и отдельные политики различной ориентации (см.: Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. III. С. 284; Масарик Т.Г. Либерализм (из книги «Россия и Европа») / пер. с чеш. Э.Г. Лаврика // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 129.

⁴ См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. М., 1908. Т. 1. С. 131; Шалланд Л.А. Русское государственное право: конспект лекций. Юрьев, 1908. Вып. 1. С. 17–21; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. С. 131; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911; Дурденевский В.Н. Судебная проверка конституционности закона // Вопросы права. М., 1912. Кн. XI (3). С. 104; Корф С.А. Русское государственное право. СПб., 1915. Ч. 1. С. 59.

⁵ См.: Рождественский. Основы общей теории права. М., 1912. С. 44–45.

и в принципах – французской Хартии 1814 г.»¹. Хотя по этой проблеме еще в дореволюционной литературе была дискуссия, более полный обзор которой дал тогда М.А. Рейснер².

В связи с ожидаемой конституционной реформой в России уже в начале 1900-х гг. отдельные авторы обратились к американскому и европейскому опыту конституционализма. В сравнительно-правовых исследованиях прямо, а чаще всего косвенно, выводились определенные «рецепты», «модели», «комбинации» реконструирования государственного строя в стране. Попутно с анализом идей разделения властей и парламентаризма затрагивались и вопросы выработки модели «системы» судебной проверки конституционности законов в России³. В этот период не только правовым, но и философским постулатом становится идея «судебного контроля над самой законодательной властью», что «основные законы должны связывать законодательную власть и быть преградой для произвола последней»⁴.

Одним из первых известных и наиболее крупных трудов по этой проблематике является работа Л.А. Шалланда «Верховный суд и конституционные гарантии»⁵. В ней обосновано, «что проверка кон-

---

¹ См.: Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. Л., 1925. С. 14.

² См.: Рейснер М.А. Предисловие редактора // Гачек Ю. Общее государственное право. Вып. 1: Право современной монархии. Рига, 1912. С. 6–23. Позднее М.А. Рейснер об этой дискуссии вспоминал: «...нельзя... не отметить интересной черты: как в России, так и за границей широкие круги либеральной интеллигенции долго старались даже в учнейших трудах выдать призрачное самодержавие за подлинный конституционализм или по крайней мере втолковать в него свойственные правовому строю черты» (см.: Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР. М.; Л., 1923. С. 167).

³ В современной литературе вполне обоснованно утверждается, что в то время отечественными либералами предлагалось заимствовать наиболее популярный у западных либеральных теоретиков элемент – идею Верховного суда, порожденную американской политической системой (см.: Селезнева Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы : материалы международной научной конференции. Москва, 27–28 мая 1998 г. М. : РОССПЭН, 1999. С. 124).

⁴ См.: Франк С. Государство и личность (по поводу 40-летия судебных уставов Александра II) // Новый путь : ежемесячный журнал. 1904. Ноябрь. С. 312–314.

⁵ См.: Шалланд Л.А. Верховный суд и конституционные гарантии // Конституционное государство : сб. статей. 2-е изд. СПб., 1905. С. 412–421.

ституционности законов судом не представляет из себя ничего такого, что противоречило бы основным устоям государственного права». Вместе с тем автор полагал, «что представление судам права контроля над законодательством мыслимо только там, где судебная власть пользуется высоким нравственным авторитетом и поставлена в условия полной независимости от прочих органов государства», где она «стоит вне всяких подозрений от партийности и тенденциозности в широком смысле слова».

Судебная охрана конституции, по мнению Л.А. Шалланда, возможна в условиях, когда учредительная власть отделена от законодательной, когда «гарантируемые гражданам права носят действительно характер публичных субъективных прав. Это вытекает из того, то судебная защита возможна только в качестве восстановления нарушенного законодателем права, обеспеченного основным законом». Суть конституционного контроля, считает ученый, заключается не в отмене противоконституционного закона, что сделало бы суд «стоящим над законодателем», а в отказе в применении такого закона.

Автор останавливается и на важном для будущего России оптимальном выборе из теоретически возможных и практически складывающихся в мире систем судебного конституционного контроля. И приходит к выводу, что этот «вопрос... абсолютного решения не допускает, все в данном случае зависит от соотношения политических и общественных сил и местных условий», а также «от того положения, которое исторически создалось для судебной власти» в стране. В этой связи он высказал сомнение в возможности переноса американской системы судебной проверки конституционного законов «на европейскую почву».

Отдавая ей только «теоретическое предпочтение», Л.А. Шалланд склонялся к другой, судя по контексту, более предпочтительной для России «комбинации», «при которой функции конституционной юстиции всецело сконцентрированы были бы в руках одного высшего суда, куда переносились все дела, требующие предварительного разрешения вопроса о действительности того или другого закона», т.е. «образование особого суда, представляющего наибольшие гарантии осведомленности и независимости».

Разумеется, он видел слабую и сильную стороны этой «комбинации». Такой суд «неизбежно получает характер политического учреждения, на долю которого может выпасть тяжелая, а иногда и

непосильная борьба с законодательной властью, тогда как при распределении функций конституционной юстиции между всеми судебными инстанциями сила сопротивления судебной власти в ее целом неправомерным поползновениям парламента, несомненно, увеличивается». С другой стороны система верховного суда представляет удобство для создания более благоприятной почвы для установления твердой и единой судебной власти¹.

Помимо кардинальных проблем будущего конституционного правосудия, Л.А. Шалланд затронул в своей работе и некоторые вопросы «второго плана». В частности, касался права рассмотрения судом дел о конституционности законов, как сейчас говорят, «по собственному усмотрению». Автор по этому поводу осторожно замечает, что «в государствах с неокрепшим еще конституционным строем предоставление суду права оценивать конституционность законов, не выжидая ссылки сторон, могла бы, казалось, служить полезным средством для удержания юного законодателя от чрезмерных увлечений как в сторону крайнего радикализма, так и в сторону реакции и, до известной степени, предотвратить давление правительства на законодательную машину»². Второй вопрос затрагивал проблему: «...должен ли судебный контроль распространяться только на материальные нарушения конституции или также и на формальные неправильности, допущенные при издании закона». Автор высказался в пользу первого решения, ссылаясь на «практические соображения» ввиду того, что «может оказаться чрезвычайно затруднительным восстановить обстоятельства, сопутствовавшие появлению данной нормы» из-за отсутствия письменных следов и невозможности вызова законодателей в качестве свидетелей³.

---

¹ См.: Шалланд Л.А. Указ. соч. С. 421.

² Как показала практика деятельности Конституционного Суда Российской Федерации 1991–1993 гг., осторожность Л.А. Шалланда исторически оказалась оправданной.

³ Данная проблема в современном законодательстве и теории разрешена в пользу как материальной, так и формальной судебной проверки конституционности нормативных актов, причем формальный контроль ограничен лишь во времени (см.: ч. 2 ст. 86 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 12. С. 1447).

В какой-то мере Л.А. Шалланд предвосхитил будущую модель конституционной юстиции России, как ее организационно-правовые аспекты, так и политические коллизии.

В это же время другой исследователь – М.М. Ковалевский – на основе сравнительного анализа американской и западноевропейских конституций пришел к выводу, что для гарантии «обеспеченных конституцией публичных прав» граждан «необходимо создание особого стража, задачей которого было бы следить за соответствием вновь издаваемых законов с конституцией». При этом он ссылаясь на опыт США, где «высшее федеральное судилище и подчиненные ему инстанции» осуществляют «судебное разбирательство по жалобам заинтересованных лиц вопросов о конституционности или неконституционности законов, изданных конгрессом и представительными палатами отдельных штатов». По мнению М.М. Ковалевского, «гарантии, подобные... изложенным, были бы особенно желательны в странах... континентальных государств Европы», к коим, как известно, относится и Россия. Он положительно оценивал и деятельность судей в Англии, «где общественное мнение и сложившийся веками обычай оправдывают сознательное опущение судьями неконституционного закона при постановке приговора»¹.

Применительно к будущей России М.М. Ковалевский видел суды и в качестве арбитра в спорах о распределении полномочий между земством и центральным правительством, стражем личной неприкосновенности граждан, свободы слова и печати².

Признавая необходимой для «планируемой» конституционной монархии в России судебную проверку конституционности содержания законов, русские ученые, а также политики либерального толка, фактически отказывались от одного из постулатов теории общего государственного права конституционной монархии, разрешающего судам проверять законы только со стороны их формальных требований»³.

---

¹ См.: Ковалевский М.М. Предисловие // Вильсон В. Государство: прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С. XXVII–XXXVIII.

² См.: Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 36–38.

³ См.: Гачек Ю. Общее государственное право. Вып. 1: Право современной монархии / авт. пер. с нем. М.Я. Лазерсона. Рига, 1912. С. 168–169.

Несколько позднее видный русский государствовед Н.И. Лазаревский обосновал, что судебный контроль является «наиболее действительным из всех видов гарантии конституционности законов». Им же подчеркивалось, что его теоретическое и практическое значение не только в этом. «Судебный контроль, – полагал он, – изменяет самый характер конституции». В отличие от проверки конституционности законов другими учреждениями «ex officio», наиболее ценный, «как учреждения, далеко стоящего от политики». При этом ученый отдавал предпочтение конкретному конституционному контролю, при котором вопрос «разрешается гораздо проще и точнее». Контроль конституционности законов в абстрактной форме, по его мнению, «разрешить бывает почти невозможно, поскольку при издании закона или его публикации практически нельзя предвидеть или представить, что закон окажется в противоречии с каким-либо положением конституции». Помимо этого, преимущество конкретного контроля он видел в том, что в результате последнего «постановления конституции приобретают характер правил, непосредственно устанавливающих субъективные права граждан, подлежащие судебной защите»¹.

Нетрудно заметить, что воззрения Н.И. Лазаревского во многом отражали современный для него уровень американской и европейской практики и науки конституционного (государственного) права. Особенно это очевидно, когда он акцентировал внимание на роли судебного конституционного контроля в преобразовании конституции². Этим же объяснима и недооценка абстрактного судебного конституционного контроля ограничением его предполагаемых возможностей лишь предварительной проверкой конституционности законов.

Более обстоятельно вопросы судебного конституционного контроля подвергнуты анализу В.Н. Дурденевским. В своей монографической статье «Судебная проверка конституционности закона» он обосновал наличие конституционности двух видов: внешней и внутренней. Первая, – когда закон принят с нарушением формы и поряд-

---

¹ См.: Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. 2-е изд. СПб., 1910. С. 435–436.

² См.: Laband P. Wandlungen der deutschen Reichsverfassung. 1895. S. 2; Еллинек Г. Изменения и преобразования конституции / пер. с нем. под ред. В.М. Устинова. СПб., 1907. С. 7.

ка его издания, установленных конституцией. Вторая, – в случае противоречия содержания закона конституционным нормам¹. Право проверки судами конституционности законов, по его мнению, является следствием системы разделения властей. В этом случае «цель по существу политическая – охранение конституции – достигается путем, по существу своему юридическим». Этот вывод автор убедительно иллюстрирует на практике и законодательстве США, Канады, Южно-Африканского Союза и Австралии, а также Аргентины, Бразилии, Мексики. Причем в последней он обнаруживает, в отличие от других названных государств, наличие превентивного судебного конституционного контроля².

Но более интересным является исследование В.Н. Дурденевским института судебного конституционного контроля в европейских странах в период, предшествующий Первой мировой войне. Таковой институт автор обнаруживает в Португалии, считая, что он возник там под влиянием ее бывшей колонии – Бразилии. Элементы американской модели судебного конституционного контроля он находит в судебной практике Греции, Норвегии, Румынии. В Швейцарии, по его мнению, Федеральный суд оценивает конституционность только кантональных законов. Германская доктрина, в отличие от судебной практики, констатирует ученый, не отрицает, что суды имеют право исследовать конституционность законов и отказывать в их применении, если они изданы в нарушение конституции.

В.Н. Дурденевский – первый исследователь, который с позиции Основных законов 1906 г. предпринял попытку выявить «зачатки» судебного конституционного контроля в России. В результате он сделал вывод: «Русские обыкновенные суды не имеют права оценивать конституционность законов, хотя бы внешнюю...», в отличие от судов Австрии и Франции, осуществляющих проверку законов по форме и порядку их принятия. «Только Правительствующему Сенату принадлежит (*ex officio*) контроль конституционности русских обыкновенных законов – и притом конституционности внешней». Сенат должен следить за соблюдением формы и порядка издания законов, предписанных Основными законами³.

---

¹ См.: Вопросы права. Журнал научной юриспруденции. М., 1912. Кн. XI (3). С. 89.

² Там же. С. 91–102.

³ Там же. С. 103–105.

Оценку конституционному правосудию и его перспективам дал и другой видный русский государствовед того времени – С.А. Котляревский. Он полагал, что для «охраны основных прав не только от произвола администрации, но и от случайных, преходящих настроений законодателя у нас было крайне ценным и политически мудрым создание верховного суда наподобие американского, могущего отказывать в применении неконституционным законам». На основе анализа практики Верховного Суда США ученый пришел к заключению: «Каковы бы... не были... недостатки американского суда, лишь возможность подобной судебной проверки представляет действительную гарантию против нарушений конституции законодательной власти; естественно, это особенно важно для федеративного государства, где конституция определяет границы законодательных полномочий, присущих центральным и местным органам... Во всяком случае, теоретически такая компетенция суда... вполне отвечает началам правового государства»¹. С позицией С.А. Котляревского перекликалось и высказанное в те же годы мнение М.А. Рейснера о том, что среди «мер, которые должны специально конституции обеспечивать особую устойчивость и силу», является наиболее «удачным то средство, которое было изобретено Америкой для охраны ее федеральной конституции – и это право судебного контроля и проверки не только административных постановлений, но и законодательных актов с правом отмены в каждом отдельном случае актов неконституционности»².

Вместе с тем отдельные российские государствоведы не видели в американской модели судебного конституционного контроля «положительного образца» для будущей России, критикуя ее «справа» либо «слева». Так, И. Гурвич называл Верховный Суд США «оплотом реакции», обвинял его в «партийной пристрастности», «во вторжении путем судебной интерпретации в законодательство» и конституцию и полагал, что «исторический опыт Соединенных Штатов показывает, что несменяемый суд совершенно непригоден для роли хранителя народных прав»³.

---

¹ См.: Котляревский С.А. Проблема демократизации государства // Полярная звезда. 1906. № 13. С. 97; Он же. Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915. С. 383–384.

² См.: Рейснер М.А. Государство. М., 1912. Ч. II, III. С. 194–195.

³ См.: Гурвич И. Северо-Американские Соединенные Штаты // Государственный строй в Зап. Европе и Сев.-Американских Соединенных Штатах. СПб., 1907. Т. 3. С. 159–164.

Однако большинство отечественных исследователей того времени высказывались в пользу права судов проверять конституционность законов и отказывать в применении неконституционных законов, обосновывая тем, что доктрина и практика многих стран считает это право «логической и нормальной функцией судебной власти, как общий принцип права»¹. Необходимость судебного конституционного контроля с теми или иными обоснованиями признали и другие российские государственоведы². При этом нередко подчеркивалось, что «решение политических вопросов... не может входить в сферу суда»³.

В ходе подготовки первой советской Конституции идея конституционного правосудия не обсуждалась как идеологически неприемлемая. Вряд ли можно признать предложением об установлении судебного конституционного контроля нормы «синдикалистского» варианта проекта конституции об учреждении Верховного Трибунала как «органа, контролирующего законодательство» и состоящего из представителей основных профессиональных федераций. Его предлагалось наделить правом отмены всех законов, несогласных с интересами отдельных этих федераций, а не с конституцией⁴.

Комментируя, уже в 1923 г., другой проект – проект НКЮ, подготовленный главным образом профессором М.А. Рейснером, который предусматривал, что никакой закон не может быть издан в противоречие конституции, что «такой акт почитается не имеющим никакой обязательной силы», Г.С. Гурвич иронизировал: «...кто будет судить, противоконституционен тот или иной акт центральной власти или нет? Неужели она сама? Она конечно некомпетентна... А создать в Советской Республике федеральный суд с правами конституционного телохранителя проект не решился». И далее Г.С. Гурвич констатировал, что «единственно правильный вывод из этого положения... предоставить ЦИКУ право изменения и дополнения консти-

---

¹ Гурвич И. Указ. соч. С. 107.

² См., напр.: Дижвлетов А. Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство : сб. статей / под ред. И.В. Гессена, А.И. Каминка. М., 1905. С. 49; Палиенко Н. Правовое государство и конституционализм // Вестник права. 1906. Кн. 1. С. 156–158; Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве. Харьков, 1910. С. 10–12.

³ См.: Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1905. С. 25.

⁴ См.: Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М., 1923. С. 11–12, 85, 102, 103.

туции. В этом была единственная возможная гарантия от нарушений и лучший способ обеспечить закономерное развитие и рост основного закона в согласии с требованиями жизни»¹.

Незначительно от проекта НКЮ отличался проект левых эсеров, одним из авторов которого был А. Шрейдер. Он писал в 1919 г., находясь в Бутырках, что «в нашей Конституции, не может быть даже поставлен вопрос в эту плоскость (т.е. о признании закона неконституционным и возмещении убытков, нанесенных им. – М.М.). Закон, изданный в нарушение Конституции почитается ничтожным, не имеющим места, так что самое его применение недопустимо...». Но левозерровский проект предусматривал элементы механизма «оповещения» о неконституционных законах. За неконституционностью местных актов должен был следить контрольный отдел ВЦИК, а законов центральной власти – Верховный Судебный контроль².

Конституция РСФСР 1918 г., исходя из принципа полновластия Советов, не допускала возможности судебной проверки конституционности нормативных правовых актов. Конституционный контроль по смыслу Конституции возлагался на Всероссийский съезд Советов и ВЦИК, а впоследствии в определенной мере и на Президиум ВЦИК³.

М.А. Рейснер, уже после начала действия этой Конституции, пытался в косвенной форме теоретически обосновать неприемлемость судебного конституционного контроля для советского государства. В лекциях на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба РККА в 1918/1919 учебном году ученый положительно оценивал «особую формальную защиту» Конституции в США «особым федеральным судом», видя в этом «большую... неприкосновенность конституции... необычную законность, необычную твердость этого правового и конституционного характера современной демократии». Вместе с тем он признал такой «блестящий... прекрасный акт» неприемлемым для России, объясняя это идеологическими мотивами, а также тем, что принятая конституция – «это временное учреждение» и стоит ли для ее охраны «сооружать такой колоссальный, громозд-

---

¹ См.: Гурвич Г.С. Указ. соч. С. 89.

² Шрейдер А. Федеративная Советская Республика (с проектом конституции и объяснительная записка) // Теория и практика советского строя. Вып. 1: Республика Советов. Берлин ; Милан : Скифы, 1919. С. 37–38, 57, 94.

³ См.: Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. С. 55–56.

кий аппарат». России, по мнению М.А. Рейснера, необходима гибкая и подвижная Конституция, которая не давала бы возможности «останавливаться на закоряченных формах», а для этого она «построена на началах не правовой законности, а целесообразности, телеологии, позволяющей влить в нее любое содержание». «Поэтому, как далее подчеркивал ученый, – когда мы говорим, что в основу нашей конституции положена идея цели и целесообразности, это значит, что наш основной закон не есть воплощение неподвижности и мертвой справедливости... но есть только рабочий чертеж, план общественного строительства... А такой план не претендует на непогрешимость».

«Отсюда, – резюмировал М.А. Рейснер, – вытекает и для нас совершенно иное отношение к основному закону или конституции, нежели то, которое мы встречаем при конституции строго правовой. И если в последнем случае главная задача заключается в толковании и применении раз навсегда установленного закона и приходится подгонять под него все другие или совершенно не предусмотренные случаи, то у нас на первое место выдвигается обязанность постоянной критики и работы над усовершенствованием конституционного закона»¹.

Интересно, что против Верховного Суда, «подобно существующему в Соединенных Штатах», возражал и К.П. Крамарж, составивший в 1919 г. с ведома белоэмигрантских кругов проект Конституции «для будущего устройства» Российского Государства². Этот проект, рассмотренный группой политических деятелей разных направлений с участием видных дореволюционных юристов-ученых П.И. Новгородцева, М.М. Винавера и др., исходил из того, что «нельзя все учреждения других стран просто переносить в Россию». В примечаниях к главным статьям проекта К.П. Крамарж не мог «себе представить состав такого суда, который не встретил бы про-

---

¹ См.: Основы Советской Конституции : лекции, читанные М.А. Рейснером на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба РККА в 1918/1919 учебном году. М., 1920. С. 137–151.

² См.: Кожевников В.А. Чехословацкий проект Конституции для России периода гражданской войны // История белой Сибири : тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. С. 40–43; Колесников В.А. К. Крамарж о реформе государственного устройства России в контексте русской политико-правовой мысли в начале XX в. // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития : в 5 ч. Ч. 1: Конституционное и международное право, теория государства и права : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж : ВГУ, 2004. С. 186–205.

теста и опасений ни с той, ни с другой стороны». Он считал, что «прошлое России слишком мало располагает... к готовности правительства воздержаться от оказания влияния всеми способами на решения такого суда».

По мнению ученого, «можно свободно обойтись» без Верховного Суда (по типу американского. – *М.М.*), поскольку управление в стране станет «конституционным, ответственным перед палатами» парламента, составным частям государства будет предоставлена самостоятельность, «автономия». Споры о компетенции центральных и областных «административных учреждений» могут быть переданы Верховному административному суду, а разрешение конфликтов в области законодательства – палатам парламента¹.

Е.Б. Романов

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ М.А. РЕЙСНЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВА БОЛЬШЕВИСТСКОМУ ПРОЕКТУ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 г.

10 апреля 1918 г. М.А. Рейснером на Конституционной комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был сделан доклад под названием «Об основных началах Конституции РСФСР». К 19 апреля 1918 г. тезисы указанного доклада были переработаны в проект Конституции. В проекте М.А. Рейснера предлагалось отказаться от национального принципа построения Российской Федерации. Субъектами федерации должны были стать коммуны, т.е. хозяйственные единицы, расположенные на определенной территории. Федерация должна была строиться не по национальному, а по экономическому принципу. При этом национальным меньшинствам предлагалось предоставить право национально-культурного самоопределения².

---

¹ См.: См.: Крамарж К. Основы Конституции Российского Государства // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном : репринт. воспроизв. М. : Терра, 1991. Т. I. С. 263–287.

² Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. С. 55–56.